

Новая газ. - 1999. - 25-31 окт. - с. 22

Семен ФАРАДА:

КАК Я СТАЛ
ТАДЖИКОМ

— Семен Львович, наверное, трудно ходить по улицам с таким узнаваемым, как у вас, лицом?

— Если встретив тебя на улице, прохожие оборачиваются, не стоит переполняться гордостью по поводу собственной значимости. Скорее всего это результат слишком частого мелькания на экране. Двадцать лет назад был моден один актер, десять лет назад — другой. Сегодня в моде актер Фарада. Но мода эта уже пошла на спад.

— Вы слишком самокритичны. Зрители любят вас за замечательные роли в театре и в фильмах «Тот самый Мюнхгаузен», «Гараж», «Чародеи», «Человек с бульвара Капуцинов», «Раз-два, горе не беда», «Формула любви»...

— Актерскую судьбу во многом определяет принцип типажа. Нашел ты удачную маску, сыграл две-три роли — и все, режиссеры будут предлагать тебе «тиражировать» то же самое из роли в роль. Впрочем, маска не так уж и плохо. Ее «носят» многие замечательные российские актеры — А. Ширвиндт, Г. Винокур, А. Калюжнин...

Расскажу одну забавную историю о том, как мне довелось окончательно определиться в амплуа комедийного, гротескного актера. Было это еще в годы моей юности, когда я выступал на сцене студенческого театра МГУ под руководством Марка Розовского. Играть приходилось в основном комедийные и характерные роли. Так решил наш режиссер, исходя из особенностей моей внешности. Сам же я в душе мечтал воплотить на сцене монументальный героический характер. Однажды давали мы сборный концерт перед каким-то праздником. Я предложил выступить с чтением «Стихов о советском паспорте» Маяковского. Розовский начал меня отговаривать, но я упрямо стоял на своем. Тогда Марк сказал: «Сеня, спорим на ящик коньяка, что в зале будут смеяться». Мы поспорили. Когда я вышел на сцену и объявил свой номер, по залу пробежал легкий шумок. После первой строфы зал начал стихать, после второй наступила гробовая тишина, а после третьего четверостишия зрители покатывались от хохота. Пришлось мне потом покупать коньяк Розовскому...

— И что же, ваша мечта о серьезных ролях осталась только мечтой?

— Нет, почему же. На сцене театра на Таганке я сыграл немало драматических ролей в пьесах классического и совре-

менного репертуара: в «Мастере и Маргарите» по М. Булгакову, в «Обмене» по Ю. Трифонову, в «А зори здесь тихие...» по Б. Васильеву. В кино, к сожалению, серьезные работы случаются намного реже. Могу припомнить только фильмы «Попугай, говорящий на идиш» Э. Севелы и «Мой друг Иван Лапшин» А. Германа.

— Когда и как все у вас началось?

— Никакого специального театрального или кинематографического образования я не получил. Так сложилась жизнь. Да и родители к искусству никакого отношения не имели: папа был военным, мама — фармацевтом. После школы поступил в Высшее техническое училище имени Баумана, но со второго курса меня призвали на флот. Четыре года на Балтике были заняты не только службой, но и художественной самодеятельностью. В пьесе Б. Лавренева «Разлом» играл роль матроса-анархиста. Чтобы глубже войти в образ, отрастил длинные волосы. А армейский устав, как известно, запрещает подобные вольности. В городе меня постоянно останавливали патрули. Тогда я с гордостью предъявлял «охранную грамоту», выданную военным комендантом города. В ней мне, единственному из матросов Краснознаменного Балтийского флота, разрешалось временно, в виде исключения, носить длинные волосы.

Кончилась служба, я вернулся в институт, благополучно окончил его, получив диплом инженера. Еще в годы учебы поступил по конкурсу в эстрадно-драматическую студию «Наш дом» при Московском университете. Замечательный это был театр, и коллектив замечательный. В «Нашем доме» начинали свою творческую биографию многие известные ныне люди: актеры, писатели, сценаристы. Здесь же родился и КВН. Наш театр существовал до конца шестидесятых, пока его не разогнал партком университета за безыдейность.

Еще несколько лет я мотался с гастрольными группами по всей стране — от Прибалтики до Дальнего Востока (не оставляя между прочим своей инженерной должности). Наконец решил покончить с этим полукочевым образом жизни и отправился показываться Ю. Любимову. Юрий Петрович взял меня в труппу театра на Таганке. На этой сцене играю вот уже 25 лет.

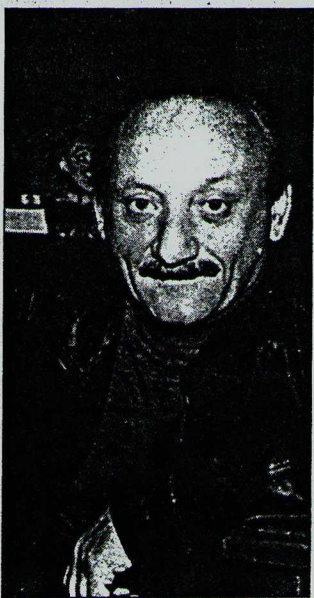
— Семен Львович, а откуда взялся ваш псевдоним — Фарада?

— Тогда я снимался в Душанбе в таджикском фильме. Пришел получать гонорар, а директор студии (он как раз зашел в бухгалтерию) говорит мне: «На «Таджикфильме» не может быть актера с фамилией Фердман». Я стал возражать: «Но вот же в ведомости — Иванов, Слуцкис...» А директор заявляет: «У этих товарищей есть свои республики». Железная логика... Думали-думали и придумали: Фарада. Звучит как-то по-восточному. И директор возражать не стал.

— Как ваши домашние относятся к суматошному образу жизни главы семьи?

— С полным пониманием. Ведь у нас чисто актерская семья. Моя жена Марина Полицеймако тоже актриса, а сын Миша окончил ГИТИС.

● Геннадий ФРОЛОВ

303